

Оглавление

Обряды рождения	5
Обряды свадьбы	37
Обряды похорон	72
Вопросы и задания	92
Темы рефератов	92
Основные источники	93

Обрядность и символика основных этапов жизни

- ***Обряды рождения***
- ***Обряды свадьбы***
- ***Обряды похорон***

«Основные этапы жизни» — понятие, безусловно, ненаучное, скорее из области того, что называется «здоровый смысл». Нет сомнения, что каждый человек в свое время появляется на свет, в свое время уходит в мир иной. На основе этих этапов жизни каждый этнос сформировал определенную обрядность, показывая через нее свое отношение к свершившемуся. В качестве третьей составляющей этих основных этапов жизни нами взята свадьба, которая во многих культурах, в том числе и в ханьской, во-первых, тесно связана с фактом рождения человека, а во-вторых, занимает в этносознании, лексической и культурной семантике весьма значительное место.

Обряды рождения

Рождение ребенка, продолжение рода — одна из главных забот, задач и целей жизни китайца. Среди конфуцианских заповедей, ставших некой жизненной догмой, «скрижалями» поколений и поколений ханьцев, отсутствие продолжателя рода — один из самых тяжких грехов, самое большое нарушение сыновней добродетели «сяо» (孝). Китайцы говорят «无子最不孝» (*Нет ребенка — самое большое нарушение сяо*) или «不孝有三, 无后为大» (*Из трех нарушений сяо отсутствие потомства — самое большое*).

Сама логограмма 孝, сложная по своему характеру, как раз и включает в себя два значимых компонента — знаки 老 *старец* и 子 *ребенок*. В современном написании верхний знак, обозначающий старца, редуцировался, но в архаичном виде он полностью сохраняет свое написание. Архитектоника знака символизирует некую непрерывность и связь поколений.

Впрочем, не только и не столько конфуцианство, но весь набор жизненных устоев и установок с самых древних времен определял отношение общества и личности к тому или иному общественному феномену, в данном случае — к появлению ребенка.

Идеологические установки в лице конфуцианства, христианства, буддизма, даосизма или ислама лишь канонизируют и догматизируют общественные устремления и тенденции.

История этносов полна порой весьма драматических противоречий и столкновений старых и новых идеологий, примером чему в нашем случае может служить указанный древний социальный постулат, с одной стороны, и политическая установка современного Китая «одна семья — один ребенок» (一对夫妇, 一个孩子), с другой.

В этнологическом аспекте процесс появления в мире нового человека с позиций китайского этно-сознания включает несколько последовательных ступеней и связанных с ними ритуалов и традиций.

1. Моление о рождении ребенка (求子)

Эта традиция и связанная с нею обрядность хорошо показывают синкретизм мировидения и миропонимания ханьцев, когда одна личностная или общественная тенденция прекрасно реализуется в самых разных идеологических, теологических установках — конфуцианстве, буддизме, даосизме, местных верованиях и традициях. Все хорошо, что служит делу, и в этом суть китайского прагматизма.

Одним из главных объектов моления является буддийская бодхисатва Гуань Инь (观音), полное китайское имя которой Гуань Шиинь (观世音), но именной знак «Ши» исчез в эпоху Тан, когда один из императоров именовался Ли Шимин (李世民), а по тогдашним законам никто в Поднебесной

не мог носить имя императора. Поэтому осталась только Гуань Инь, которая и в рисунках, и в скульптурах представлена в своем женском облике, хотя бодхисатвы бесполоы и могут приходить в мир и в виде женщины, и в виде мужчины.

Гуань Инь — весьма значимый атрибут китайского этносознания, некий символ милосердия. Ей принадлежит прерогатива в охране моря и деторождения, при этом последнее наиболее значимо.

Обрядов, связанных с молением о рождении ребенка, довольно много. Так, на юго-востоке Китая, в провинции Гуандун, 24-го числа второго месяца по лунному календарю отмечают день рождения Гуань Инь. В качестве подарков и подношений ей преподносят свежие овощи (生菜), что произносится как «шэн цай» и почти омофонично «шэн цзай» (生仔), что и означает *родить ребеночка*.

В ходе празднества в небольшой прудик запускают устриц (蚬) и улиток (螺), и женщины начинают руками вылавливать их. Кому попадется устрица — жди девочку, улитка — мальчика.

Еще одним обрядом, связанным с Гуань Инь, является традиция в начале нового года обшивать маленькие башмачки и вешать их у образа Гуань Инь. Если к середине года женщина не забеременеет, то башмачки нужно снять; если же ожидаемое обретется, то башмачки кладут на моленный столик. Иногда это делается специально, чтобы другая страждущая незаметно взяла их с той же целью.

Даосский пантеон дал ханьской культуре образ Бессмертной феи Яшмовой красоты (碧霞元君), другое имя которой — матушка-покровитель-

ница с горы Тайшань* (泰山娘娘). Образ этого божества начал формироваться с эпохи Мин (1368–1644), изначально как образ защитницы женщин и детей, трансформировавшийся впоследствии в образ матушки-покровительницы. Во многих местах Китая можно встретить храмы Бессмертной феи. Предприимчивые служители получают немалые барыши, введя специальный налог — «налог на ароматические свечи», выливаются и специальные серебряные монеты с изображением божества и серебряных младенцев. Восьмого числа четвертого месяца в храмах Бессмертной феи проводятся специальные празднества, отмечающие ее сошествие к людям.

Интересно, что в современном сознании ханьцев образы буддийской бодхисатвы Гуань Инь и даосской Бессмертной феи Яшмовой красоты слились в некий единый образ Матушки — дарительницы детей (送子娘娘).

Надо отметить, что среди святых, к которым обращаются с молением о ребенке, есть и мужчины, это даосский святой Чжан Сянь (张仙). Его скульптурные изваяния крайне редки, но портретных изображений великое множество. Обычно его рисуют в виде крупного мужчины, стреляющего из лука, в верхнем углу картинки — изображение «Небесной собаки», а окружают Чжан Сяня пять прелестных младенцев. На некоторых картинках

* Гора Тайшань, расположенная в провинции Шаньдун, — одна из пяти священных даосских гор, считающаяся главной, с которой связаны многочисленные легенды и предания.

можно увидеть и единорога как еще один символ деторождения.

В некоторых провинциях существует традиция «дарения Чжан Сяня», когда близкая подруга женщины специально заказывает для нее соответствующий лубок. Собираясь дарить готовую картинку, она прежде всего посещает местный храм, а идя в дом получательницы подарка, зорко следит за дорогой и, если встречает что-то неподобающее случаю, возвращается в храм и начинает путь заново. Ближе к дому она стремится найти маленького мальчика, что будет символизировать рождение мальчика.

Если такое мероприятие счастливо заканчивается, то молодые мать и отец повторно проводят свадебный обряд, совершая все необходимые церемонии. В имя родившегося младенца принято вводить знак Чжан.

Единорог «цилинь» (麒麟) — еще один мифический образ, к которому обращались страждущие в молении о рождении ребенка. Сам цилинь — одно из многочисленных мифических существ, порожденных китайским этносознанием, — изображается с головой дракона, телом оленя, покрытого чешуей, и хвостом льва. Верхом на нем обычно сидит юная женщина, держащая на руках пухленького младенца*.

* Интересно, что в Пекине верхом на единороге изображается обычно большая жирная свинья, держащая поросенка. В этом можно найти смысл, если интерпретировать данный рисунок с точки зрения знака «семья» (家), состоящего из знаков «дом, крыша» и «свинья».

На некоторых изображениях место женщины занимает мальчик, сжимающий в руках чашечку лотоса (莲蓬) и губной органчик, свирель (笙) — символы, названия которых омофоничны знакам 连生 — *непрерывно рождаться*. За единорогом обычно следует большая группа счастливых младенцев обоого пола.

В китайский Новый год — Праздник весны — кроме картинок единорога, дарящего младенцев (麒麟送子), весьма популярно его изображение, вырезанное из бумаги. В этом случае ему добавляется роскошная борода. Во время посещения соседей с поздравлениями, если там была молодая жена, ее специально подталкивали к этому изображению с тем, чтобы она оторвала несколько «волосков». Если это удавалось — жди пополнения семейства.

По преданиям, чадолюбие единорога связано с древним художником, который страстно любил рисовать цилиня, изображениями которого был увешан весь его дом. У него не было детей, и однажды он увидел блистательного цилиня с ребенком на спине, направляющегося к нему. Спустя год у него появился сын, который рос необыкновенно талантливым и в шесть лет уже слагал стихи и рисовал. В народе его прозвали «дитя цилиня» (麒麟童), а сам образ единорога приобрел черты чадодарителя.

Среди объектов поклонения в мольбах о появлении ребенка интересным образом сливаются теологические, в частности буддийская, и ранние идолопоклонческие культуры. В последнем случае речь идет о фаллоцентризме и фаллопоклонстве как об одном из атрибутов культур, предшествующих современным теологическим моделям.

Фаллоцентризм весьма значим для китайского (ханьского) этносознания. Это проявляется, в частности, в том, что один из базовых знаков концептосферы любого этноса «родина» представлен логграммой 祖 — сложным знаком, левая часть которого — изображение «алтаря предков», а правая — фаллоса как символа некоего единения прошлых и грядущих поколений.

В буддийских храмах провинций Фуцзянь и Чжэцзян довольно часто можно увидеть статую Юй Лоу Фо (雨漏佛), рядом с которой, как правило, есть и статуя голого мальчика — «брatца счастливого предзнаменования» (吉祥哥). Молящиеся, обращаясь к нему, стремятся дотронуться до его детородного органа, а чаще всего слегка поскрести его с тем, чтобы собрать некоторое количество камня или какого-то покрытия (触摸雀雀). Эти крошки и пыль заворачиваются страждущими в виде пилюли, которая принимается как некое снадобье.

Близок к этому и обряд «прикосновения к детородному камню» (摸子石). На горе Цицзиньшань (紫金山) находится известный храм единорогу (麒麟殿), перед входом в который стоит огромный камень фаллической формы. В сумерках к нему часто подходят несколько женщин и, обнажив свои животы, стараются дотронуться до камня. По преданию, много лет назад женщина совершила этот обряд, и через год на свет появился прелестный ребенок.

Таким образом, моление о рождении ребенка через поклонение образу фаллоса, чаще всего в виде некоего каменного символа (石祖), достаточно распространено и традиционно в ханьской культуре.

Среди объектов поклонения молящих о ребенке можно еще упомянуть гуандунскую матушку Цзиньхуа (金花娘娘, 金花小娘, 金花夫人), обряд «дарение фонаря» (送灯, 请灯, 抢灯), глиняные фигурки Шуаньвава (栓娃娃) и Нинигоу (泥泥狗), бросание камней в грот каменной глыбы Лиэрши (立儿石), что в провинции Хэбэй, «дарение ребенка» (送子) через преподнесение женщине тыквы или иной бахчевой культуры, как правило украденной на соседском огороде, и многие, многие другие.

2. Беременность и роды (生育风俗)

Одно из названий беременности — «явление радости» (有喜). Новость об этом делает женщину объектом самого пристального внимания и заботы, главным образом со стороны ее матери и свекрови.

Весь процесс вынашивания и рождения ребенка окутан мистикой и суевериями, ставшими частью этнической бытовой культуры. Во многом в сознании ханьцев появление на свет нового человека — процедура «не чистая» (不洁), что, впрочем, свойственно большинству этнических культур.

Ниже приводятся некоторые табу периода беременности, связанные с питанием женщины, но список этот можно дополнить и другими запретами. Так, беременным запрещено видеть роды другой женщины, поскольку это затруднит ее собственные. Запрещено видеть змею из опасения, что родившийся младенец будет показывать язык. Напугать плод могут обезьяны, тигры, уроды, поэтому встречаться будущей матери с ними не рекомендуется.

Беременной запрещено входить в спальню новобрачных и видаться с невестой. За этим стоит суеверие о том, что женщина, ждущая ребенка, «двутелая» или «четырёхглазая» (双身人, 四眼相), что может дурно сказаться на будущем молодых.

В некоторых районах Китая в комнате, где живет будущая мать, категорически запрещается забивать гвозди, ибо, по поверью, ребенок может родиться с деформированными конечностями.

Запрещено класть нож острым концом к изображению «духа очага» (灶神) из опасения, что в ходе своего предновогоднего путешествия на Небеса с отчетом перед Верховным Владыкой он может плохо отозваться о будущем младенце и тем самым погубить его.

Запреты и поверья могут касаться путешествий и поездок, посещения храмов, посещения кладбищ, использования самых обычных предметов. Все это свидетельствует о том, что значимость продолжения рода в ханьской традиции очень высока.

Примерно к третьему месяцу беременности принято совершать обряд «дарения отдельных постелей» (送分床铺), когда из дома родителей жены доставляется новая кровать и постель, что должно символизировать о прекращении интимных отношений между супругами.

«Есть ребенок — все дела в порядке» (有子万事足), — говорят китайцы. Появление на свет ребенка — событие в семье, и сам этот процесс во многом мифологизирован. Среди мифических покровителей рожениц и процесса разрешения от бремени можно назвать «родовую матушку» (临水奶, 临水夫人, 临水陈夫人, 临水陈太后, 大奶夫人, 注生娘

娘, 子孙娘娘). Именно этому образу приписывается способность защиты и сохранения роженицы и ее ребенка. Ранние упоминания об этом божестве относятся к эпохе Тан (618–907) и связаны с легендой о превращении умершей молодой женщины в духа-покровительницу рожениц. Ей приписывается имя Чэнь (陈) или Шунь И (顺懿). У нее есть свои кумирни и храмы, являющиеся местом паломничества будущих мам.

Месяц, предшествующий появлению ребенка на свет, называется «достигнутый месяц / достигнуть месяца» (达月). В это время семья жены должна преподнести «подарки, способствующие родам» (崔生礼), среди которых есть вещи для будущего младенца и продукты для матери. Последние могут содержать и рациональные, и некие мистические смыслы. Так, обязательные среди подарков свежие плоды (生果子) не только полезны для женщины в ее положении, но и символизируют рождение ребенка (生子). В некоторых районах сохранилась традиция, принося подарки, играть на свирели (笙), название которой омофонично звучанию знака «рождаться, появляться на свет» (生). Аналогична причина дарения десяти пар палочек для еды, покрытых красным лаком: чтение этого знака омофонично чтению знака «быстро» (筷 — 快), а сам подарок символизирует пожелание скорейшего рождения и скорейшего взросления (快生快养).

В этот период начинают «действовать» и некоторые образы ханьской мифологии, в частности «матушка — пособница рождению» (崔生娘娘), «батюшка и матушка — хранители кровати»

(床公床母). Первый образ связан с историей смерти женщины во время родов, которая, превратившись в духа, страстно желала вернуться в янский мир. По совету одного из демонов она пыталась сделать это, войдя в младенца, умершего во время родов. Для этого она часто появлялась там, где проходили тяжелые роды, но не смела совершить задуманное, а лишь помогала матери благополучно разрешиться. Узнав о ее благодеяниях, Верховный Владыка (阎王) установил за ней статус «матушки — пособницы рождению». Ее изображение можно встретить во многих храмах и кумирнях.

Обряд «охранения кровати» (安床) — составляющая свадебной церемонии. Но образ матушки — хранительницы кровати важен и для будущего ребенка. Ее образу преподносятся определенные дары, перед ним ставятся благовонные свечи с молениями о благополучном «открытии ворот» (产门). С ее же образом связан и обряд «третьего дня» после появления ребенка на свет (洗三).

Роды — важнейшая завершающая часть процесса вынашивания ребенка. Говоря о сегодняшнем Китае, необходимо отметить, что медицинская система родовспоможения носит практически абсолютный характер и те элементы обрядности, о которых здесь будет упоминаться, скорее история культуры ханьцев, чем их настоящее. Вместе с тем знание этих фактов и имен и есть, по сути, знание культуры этноса.

По традиции роды должны происходить в доме мужа, по некоторым поверьям, рожать должно там, где произошло зачатие. Если роды все же проходят в доме родителей жены, то зять должен заплатить

своему тестю определенную сумму денег (четное число), что именуется «деньгами на покупку земли» (买地钱). По представлению ханьцев, роды «пачкают» дом родителей жены, существует поверье, согласно которому «запачкал циновку на кане родителей жены — жизнь будет плоха» (脏了娘家炕头草, 日子过不好). Поэтому после того, как все благополучного завершилось, отец мужа покупает красную материю для покрытия кана, поскольку красный цвет символизирует чистоту и благодать.

Весь период беременности — догадки и предчувствия будущей матери и ее близких о поле будущего ребенка. В сознании ханьцев глубоко укоренилось многовековое представление о приоритете сына над дочерью. Не останавливаясь на причинах этого, можно лишь сказать, что разного рода приметы и суеверия служат разрешению этого «вопроса».

Итак, «большая радость» (大喜) или «малая радость» (小喜), сын или дочь — «вот в чем вопрос». Если в первый день «достигнутого месяца» (达月) первым гостем дома будет мужчина, то жди мальчика, если женщина — девочку. Если мать жены, принеся «подарки, способствующие родам» (催生礼), увидит свою дочь стоящей, то будет мальчик, сидящей — девочка. Обычно незадолго до родов родители жены приносят в дом своих сватов живых кур — петушков и курочек, обязательно нечетное число, если первым из клетки вынимают петушка, то будет мальчик, курочку — девочка. Иногда такого рода приметы доходят до смешного, в провинции Хубэй, например, если будущая мать любит есть горькую пищу, то родится девочка, соленую — мальчик.

Приметы приметами, но природа берет свое, и долгожданный ребенок появляется на свет. Об этой радости для каждой семьи должно известить мир, и в этом есть своя обрядность.

После родов женщина какое-то время проводит в своей комнате, и это называется «месячное сидение с ребенком» или «месяц матери и ребенка» (坐月子 / 月母子). Если родился мальчик, то на дверях комнаты вешаются лук и три стрелы, завернутые в красную материю; если девочка, то кусок красной материи, что является одновременно и знаком о поле ребенка, и неким оберегом для этого помещения. В южных районах есть присказка «мальчик — слева, девочка — справа» (男左女右), связанная с тем, что в случае рождения мальчика свежий имбирь вешается слева от двери, а если на свет появилась девочка, то справа, близнецы — имбирь с двух сторон.

Извещение родителей жены — «известие о счастье» (报喜) — во многих районах опять связано с домашней птицей: принесли петушка — мальчик, курочку — девочка. Иногда этому служат крашенные в красный цвет куриные яйца, четное число — мальчик, нечетное — девочка. На юге рождение мальчика символизируется с завернутой в красную материю кисточкой для письма, а девочки с носовым платком.

Принятие известия о рождении выражается в том, что выставляется большой чайник для вина — «чайник извещения о рождении» (报生壶), который может украшаться зелеными ветками или красной материей.

Очевидно, что обрядность рождения человека в ханьской культуре занимает поистине огромное

место, ее атрибутика, символизм, языковая транскрипция многообразны и многолики, поскольку имеют свои варианты в разных районах и в разных исторических периодах. Значительная часть из них отошла в прошлое, что объясняется и эволюцией культуры, и давлением цивилизации. Вряд ли сейчас еще осталась — даже в самых дальних уголках — обрядность, связанная с захоронением или хранением детского места (衣胞, 胎盤) и пуповины (脐帶), к сожалению, почти утратился прекрасный обряд посадки дерева-одногодки (同齡樹) и роци на месте рождения (落地林). Цивилизация, урбанизация нивелируют этнокультурное своеобразие, но оно остается в языке, литературе, живописи, истории.

3. Великая драгоценность (宝宝)

В традициях ханьцев — не кормить ребенка материнским молоком в первые два-три дня после рождения. В это время он познает «пять вкусов» (开喉五味). Сразу после рождения младенцу дают два отвара — отвар из горечавки / коптиса китайского (黄连) и солодки (甘草). Последовательность потребления этих отваров ни в коем случае не должна нарушаться. Первый отвар очень горький, китайцы говорят «горче, чем горечавка» (比黄连还苦), имея в виду невероятные тяготы жизни; второй — сладкий. Тем самым новорожденному с первых мгновений его жизни дают урок ее горечи и сладости.

В некоторых районах распространено поение младенца отваром из пяти растительных ингреди-

ентов, открывающее ему ощущение «пяти вкусов» (五味) — терпкого, кислого, соленого, горького и сладкого (辛, 酸, 咸, 辣/苦, 甜/甘), тем самым ему дают представление о том, что «сладкое» познается, как правило, через «горькое»: «сможешь есть горькое — сможешь вырасти большим» (吃得苦, 养得大).

Едва появившегося на свет малыша кроме вкусовых могут ожидать еще некоторые сюрпризы: «одевание в старые одежды» (穿旧衣), например, или «сидение в собачьей конуре» (蹲狗窝). Так, в качестве первого одевания младенца, особенно мальчика, могут служить старые штаны его отца. Здесь опять имеет место языковая игра — омофония, чтение слов «штаны, брюки» (裤) и «горечь, несчастье» (苦) совпадает. Младенца с первых моментов жизни приучают к трудностям и превратностям нового для него мира.

Аналогичен смысл и второго обряда, когда новорожденного укладывают не в объятия матери, а в приготовленную заранее собачью конуру, что служит предостережением родителям и домочадцам о недопустимости излишнего балования малыша.

Начало кормления младенца материнским молоком (开喉, 放食, 开口奶) может быть связано с тем, что первый его глоток он получит не от собственной матери, а от какой-то другой женщины. При этом первой кормилицей мальчика должна быть женщина, родившая девочку, и наоборот.

В некоторых семьях, особенно в семьях с богатым культурным фоном, в материнское молоко может быть добавлено немного туши. Этот обряд связан с памятью о великом китайском каллиграфе

Ван Сичжи (王羲之), который отличался необыкновенным трудолюбием и как-то, забывшись в своем творчестве, спутал чашку с едой и сосуд с тушью. Давая младенцу капельку туши, родители мечтают о его будущем трудолюбии и таланте.

Важным атрибутом одежды младенца являются туфельки с изображением головы тигра (虎头鞋). Образ тигра в китайском этносознании весьма мифологизирован, ему часто придаются императорские, ратоборские, могущественные черты. Что же касается обуви, то основой этой традиции служит известная легенда о том, как бодхисатва Гуань Инь, явившаяся в дом охотника в виде пожилой женщины с внуком, спасла его больного ребенка от смерти и оставила в память о себе туфельки с изображением головы тигра и бамбуковую дощечку со стихами, в которых, в частности, и предписывалось надевать на босые ножки младенцев именно такие туфли, что поможет избавиться от всех напастей. На многих изображениях Гуань Инь младенец, которого она держит на руках, босоногий, как символ того, что она отдала его туфельки людям.

Третий день жизни — событие в жизни ханьца, именно в этот день человек прощается со своим предшествовавшим миром материнского чрева и входит в мир людей. Третий день — точнее «третье утро» (三朝) — во времена династии Сун (420–479) именовался днем «отваливания пупка и прижигания родничка» (落脐灸囟) и отмечался соответствующей церемонией; в наше время эта церемония называется «омовением третьего дня» (洗三), смысл которой состоит в окончательном смывании прошлой жизни и начале новой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru